

В небольшой рощице тянулось затяжное стрекотание цикад, изредка перекликались птицы. Тишиной это назвать было нельзя, но странным образом в душе Цзянь Наня становилось необычайно спокойно.

Лю Юцин рядом тихо заметил:

— В жизни много того, что приходится принимать, как бы ни хотелось иначе. От бегства всё равно нет толку.

Где-то в глубине сердца у Цзянь Наня поднялась легкая, колкая горечь. Почему-то он сразу подумал о Ли Чуане. Когда-то они были неразлучны — куда один, туда и другой. Он всей душой тянулся к Ли Чуану... а в итоге всё вышло совсем не так, как он мечтал. Сейчас, оглядываясь назад, он почти верил: может, он и правда тот самый «мусор», о котором говорил старик, — вещь, давным-давно выброшенная Ли Чуанем.

Он ведь давно всё понимал... просто упрямо не хотел признавать.

Цзянь Нань натянул тетиву, прицелился в мишень неподалёку. Прищурился — и все спутанные мысли постепенно, вместе с движением рук, начали стекать в ясную линию.

«Свист!»

Пронзительный звук рассёк наполненный зноем летний полдень. Стрела — и правда без пути назад — с глухим «бум» вонзилась в центр мишени.

Лю Юцин повернулся к Цзянь Наню.

Он стоял молча. Не радовался, не огорчился — лицо спокойное, почти безмятежное, и в этом спокойствии легко угадывалось странное ощущение освобождения. Он тихо сказал:

— Да... от бегства всё равно нет толку.

...

Оператор следил за ним, а зрители в прямом эфире возбуждённо наполняли чат:

«Такое ощущение, что он сказал что-то очень умное...»

« Эх... ничего не понял.»

«Но всё-таки, когда Нань-Нань стрелял, это даже выглядело... круто!»

После наставлений старик Лю больше не стал задерживать Цзянь Наня в роще. Они двинулись обратно — один впереди, другой следом. По дороге дедушка рассказывал множество историй о своей молодости.

У людей в возрасте есть общая слабость: они постоянно возвращаются мыслями в прошлое. Стоит появиться минутке тишины — и вот уже начинаются неспешные рассказы. Кажется, это закон природы, от которого никому не уйти.

Цзянь Нань слушал, а дед Лю увлечённо продолжал:

— В те годы, как я только выходил на сцену — внизу, знай, всё до последнего места забито было.

— Вот это да...

— Чтобы послушать меня, многие хозяева заведений выкладывали хорошенькие деньги.

— Вот оно как...

Старый рассказывает — молодой поддакивает, и делает это так мастерски, что и когда они уже дошли до маленького дворика внизу, дед Лю всё ещё вдохновлённо говорил, не собираясь останавливаться.

Поддакивая, Цзянь Нань всё же вставил:

— Посидите немного в тени. Я видел, что свет горит — значит, электричество дали. Пойду выключу.

Дедушка махнул рукой:

— Иди, иди.

Цзянь Нань отправился выключать лампы. Успел погасить только две, как вдруг услышал со стороны двора какой-то шорох, и довольно громкий.

Он быстро выбежал — и увидел, что Лю Юцин полулежит на каменных плитах двора. Было ясно, что он сильно упал; вид у неё был совсем неважный. У Цзянь Наня сердце ухнуло:

— Господин Лю!

Лю Юцин болезненно застонал.

Цзянь Нань рысью подбежал и осторожно помог ему встать:

— Что с вами случилось?

— Что-то тут скользко, — выдохнула он. — Плохо разглядел... нога поехала — вот и шмякнулся.

Цзянь Нань усадил его на стул:

— Где именно вы ушиблись? Дайте посмотрю. Если содрали кожу или удар сильный был — нужно обработать, иначе может воспалиться.

Дед Лю потёр руку:

— Кажется, сюда приложился...

Цзянь Нань сразу присел и принялся осматривать. Аккуратно закатал рукав — на коже действительно была ссадина, тонкая, но виднелась кровь.

— Костей вы, к счастью, не сломали. Всё не так плохо. Сейчас рану обработаем, и всё будет в порядке, — Цзянь Нань с облегчением выдохнул.

Лю Юцин шумно втянул воздух:

— Обращать-то что... Просто кожа сбилась. Не надо ничего! Эй-эй, если ты начнёшь обрабатывать — мне же больнее будет!

...

Цзянь Нань не удержался от улыбки:

— Сейчас лето, жара. Если не обработать — легко занести инфекцию. Кажется, в гостиной я видел аптечку. Подождите здесь.

Сказав это, он решительно поднялся и сразу направился в дом.

В комментариях в прямом эфире все катились со смеху:

«Хахахаха, мгновенно применил полученные знания!»

«Дед сказал — надо быть решительнее. Нань-Нань схватывает на лету.»

«А сейчас, дамы и господа, представление: как самому себе на ногу камень уронить.»

Старик Лю, развалившись на качалке, был так зол, что аж трясло:

— Никаких манер! Ох уж паршивец... Вот поправлюсь — так врежу тебе, понял? И вообще, сегодня ни одного балла не получишь!

Ругался он, правда, скорее «на автомате» — злости в голосе было мало, почти неубедительно.

А когда Цзянь Нань вернулся с аптечкой, дед и вовсе притих.

Цзянь Нань присел на корточки, намочил ватную палочку антисептиком:

— Сейчас я вам обработаю рану.

Старик Лю косо посмотрел на палочку, выражение лица стало подозрительным:

— Ты там... полегче. Очень осторожно, понял? У меня и так всё болит — не вздумай давить.

...

Цзянь Нань невольно поразился.

Почему ему кажется, что этот грозный дед-буйвол вдруг... боится боли?

Неужели это просто его фантазия?

Он мягко успокоил:

— Не волнуйтесь, я буду очень осторожен.

После трёх заверений дед Лю наконец сдался. Неохотно протянул руку:

— Ну... давай, мажь.

Цзянь Нань улыбнулся, взял его ладонь и серьёзно занялся обработкой раны.

Двигался он предельно аккуратно: ватная палочка едва касалась кожи — почти мгновенно отступая. Такое прикосновение даже не успевало причинить боли.

Ему пришлось почти присесть перед дедом, близко склониться. Черты лица у него были спокойные, собранные; во всём образе чувствовалась мягкая строгость, внимательность, почти благоговейная деликатность. Картина получалась настолько приятной, что на неё хотелось смотреть.

И комментарии зрителей понеслись:

«Если бы я не знал, решил бы, что это родной внук так заботится!»

«Нань-Нань просто душечка.»

«Если сам старик Лю его хвалит — значит, точно хороший парень.»

Когда Цзянь Нань закончил, он спросил:

— Готово. Больно уже не должно быть. Как вам?

Старик Лю, помедлив, сам опустил рукав. И хоть ему совсем не хотелось это признавать, но Цзянь Нань вновь приятно удивил его.

Он странно прищурился:

— Ты что, раньше каким ремеслом занимался? Как ты так точно считаешь силу в руках?

Цзянь Нань положил ватную палочку обратно и спокойно пояснил:

— Вы про силу нажима? Моя мать — мастер вышивки. Когда я жил дома, часто следил за её работой, понемногу перенимал. Некоторые ткани — редкие, тончайшие, стоит лишь чуть сильнее нажать — и всё испорчено. А рука ведь долго остаётся поднятой... Нужно и силу чувствовать, и меру знать. Годы практики — вот и вырабатывается нужная точность.

Теперь удивлёнными оказались не только зрители — старик тоже расширил глаза:

— Ты ещё и вышивать умеешь?

Цзянь Нань чуть улыбнулся:

— Чуть-чуть.

Лю Юцин нахмурился:

— А кто твоя мать?

На этот вопрос Цзянь Нань скользнул взглядом по оператору — слишком уж публично, чтобы называть имя. Пришлось достать телефон и быстро набрать пару слов, показать старику.

Лю Юцин только глянул — и всё понял.

А вот зрители чуть с ума не сошли:

«Ааа, хочу знать, кто!»

«Нань-Нань, ну ты испортился, скрываешь от нас уже всё!»

«Хахаха, ну скажи же, кто твоя мама!»

Старик, увидев имя, понимающе кивнул:

— Значит, ты её сын... Неудивительно.

Цзянь Нань вновь улыбнулся, начал складывать аптечку. Был уже почти полдень; он прошёл на кухню, приготовил несколько блюд, потом помог господину Лю устроиться и уснуть.

Когда он уже собирался уходить, старик, не глядя, швырнул ему блокнот, буркнув с ленцой:

— Давай-давай, марш отсюда.

...

Зато на этот раз не сказал: «И не приходи больше».

Цзянь Нань аккуратно убрал блокнот, поклонился старику и вышел. Сегодняшняя оценка — двадцать баллов. Самый высокий результат за всю историю.

Вернувшись в городок, он, как обычно, проходил мимо дома госпожи Чжу— и, как обычно, наткнулся на Фэн Цзиня. Видимо, шанс столкнуться с них был запрограммирован судьбой.

— Эй, Нань-Нань! — помахал тот рукой.

Цзянь Нань ничуть не удивился:

— Сяо Цзинь, ты уже закончил на сегодня?

— У старушки невестка приехала, — Фэн Цзинь смущённо почесал голову. — Сейчас они там вдвоём ругаются, меня вот и выставили за дверь.

Ругаются?

Лицо Цзянь Наня чуть дрогнуло:

— Из-за чего? У пожилых давление нестабильное. Ты уверен, что всё в порядке?

Фэн Цзинь опустил рядом с ним на лавку у прилавка, тяжело выдохнул:

— Да брось, лучше туда не суйся. У бабушки Чжу давление хоть камнями обкладывай — не поднимется. Она всё ворчала на невестку, а та — почти ни слова с начала до конца.

Цзянь Нань нахмурился, любопытствуя:

— А из-за чего всё началось?

— Похоже, у старушки скоро День рождения, — Фэн Цзинь почесал висок, вспоминая. — Невестка предложила забрать её в город, отпраздновать, столик в ресторане заказать. А бабушка взбрыкнула — говорит, излишества, расточительство. Да и у невестки, честно говоря, вид был... м-м... не особенно заинтересованный.

Старушка Чжу — женщина, конечно, непростая. Бывает, вывести её на ровный берег — задача невозможная.

Цзянь Нань задумался:

— Ладно, нам лучше не лезть. Всё-таки семейное, такое не разрулишь.

— Вот-вот, — согласился Фэн Цзинь с трагической серьёзностью. — Рыцарь может сразиться с драконом, но вот с Днём рождения — увы, бессилён.

Они только обменялись репликами, как вдруг мимо кто-то стремглав промчался.

Цзянь Нань всмотрелся:

— Это... Синь Тун?

— А? — Фэн Цзинь вытянул шею, заглянул, и глаза его округлились. — Да ну... и правда она. Что случилось? Вид такой, будто нечисть за ней гонится!

Цзянь Нань легко стукнул его кулаком в плечо:

— Перестань нести чушь.

Но Синь Тун и правда выглядела так себе. Хоть они и не особенно ладили, в такой момент стоило хотя бы подойти — мало ли что случилось.

Зрители в стриме уже всё поняли лучше всех:

«У Синь Тун ситуация примерно как у Сяо Цзиня.»

«Но Сяо Цзинь-то дубина стойкая! Каждый раз ржу до слёз!»

«Да, а Синь Тун сразу нюни распускает.»

«Вот-вот, слишком хрупкая. Смотрю — и аж бесит.»

Цзянь Нань и Фэн Цзинь нашли Синь Тун. У той глаза покраснели, но, увидев камеру, она резко отвернулась:

— Всё нормально. Правда, не надо... не обращайтесь внимания.

Фэн Цзинь мгновенно:

— А, ну ладно.

«...»

Синь Тун торопливо вытерла глаза, выдохнула, собрала остатки достоинства и только тогда заговорила:

— Я сегодня пришла к бабушке. До обеда оставалось недолго, ну я и решила приготовить ей что-нибудь.

Пока всё звучало вполне разумно.

Цзянь Нань кивнул:

— И?

— А потом, когда еда была готова... она ужасно рассердилась, — голос Синь Тун снова стал дрожать. — Я увидела на блюде в кухне кусок мяса и решила его поджарить. Откуда же я знала, что это... что это для собаки...

Повисла тишина. Звонкая такая.

Через пару секунд Фэн Цзинь громко расхохотался:

— Ну ты даёшь. Совсем уж простушка!

«...»

У Синь Тун нервно дёрнулся уголок губ. Да этот олух ещё смеётся! У самого — ума не больше, чем у табуретки!

Цзянь Нань, изо всех сил скрывая улыбку, мягко сказал:

— Ничего страшного. Думаю, пёс поймёт. И старушка наверняка не всерьёз на тебя злилась.

Оператор тоже тихо хихикнул.

Синь Тун сжала зубы. Внутри всё кипело, а на лице — только жалкая попытка выглядеть жалкой.

<http://bllate.org/book/12642/1121315>